

М.Е. СОРОКА (Канада)

"ДАМСКОЕ ВЕДОМСТВО" МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ: ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ. 1906–1917 годы

Для истории жены дипломатов – это, в лучшем случае, фамилии с инициалами, что, в общем, естественно, когда речь идет о мужской профессиональной деятельности. Но порой женщины, частная жизнь которых неразрывно переплеталась со службой их мужей, не всегда оставались в стороне, и при более внимательном взгляде за фамилией с инициалами можно увидеть людей и понять их поступки, что расширяет представление о работе и умонастроениях тех, кто осуществлял внешнюю политику Российской империи.

Пусть политическая роль жен дипломатов была близка к нулю, но они являлись весомым фактором в карьере мужей. По тому, какую жену выбирал мужчина, судили о нем самом: насколько эмоции влияли на его рассудок. Для дипломата жена была "негативной гарантией". Если у нее была отличная репутация и безупречный такт, то МИД мог позволить себе оценивать потенциал мужа только с профессиональной стороны. Но дурная слава или всем известная глупость жены губила карьеру мужа, потому что жены представляли Россию за рубежом наравне с мужьями. Из этого и исходил российский МИД в требованиях к женам дипломатов. Облик, манеры и репутация дипломата и его семьи всегда были составной частью престижа его страны, и перед женитьбой дипломаты сообщали в министерство информацию о финансовом, семейном и общественном положении невест¹. Международный этикет требовал участия жен дипломатов в светской жизни дипломатического корпуса. По традиции дипломаты периодически устраивали приемы для иностранных коллег и холостому дипломату приходилось просить либо родственницу, либо жену одного из коллег брать на себя роль хозяйки, а иначе его женатые коллеги вынуждены были бы ужинать у него без жен. Так, например, дважды разведенный граф А. Кассини, посланник в Китае и США, не решался сообщить в МИД, что его третьей женой стала кафешантанная певица. Его выручала дочь, которую он представлял как племянницу-сироту. (Жену его, под вымышленным именем, коллеги знали как гувернантку юной Маргариты Кассини.) Граф Кассини поставил дочь на службу империи еще подростком: она была хозяйкой на приемах в российском посольстве в Вашингтоне и сопровождала отца на официальные обеды и балы. Кроме возраста (исправимый недостаток) у нее было все: манеры, происхождение, иностранные языки, веселый характер и приятная внешность.

Как возникло выражение "дамское ведомство"? Ответ на этот вопрос связан с деятельностью российского посольства в Тегеране в начале XX в.

В декабре 1908 г. через два дня после прибытия в Тегеран нового первого секретаря российской миссии Е.В. Саблина посланника Н.Г. Гартвига вызвали в Петербург объясняться по поводу его действий, которые противоречили официально предписанной

Сорока Марина Евгеньевна – кандидат исторических наук, докторант Университета Западного Онтарио (Канада).

¹ Циркуляр МИД №787 от 19.VII.1908. – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 184, оп. 520, д. 1245.

политике сотрудничества с британской миссией. Саблин остался один на один с двумя нависшими угрозами: гражданская война в Персии и развал англо-русской конвенции.

Персидские конституционалисты ненавидели российскую миссию за ее участие в недавнем разгоне парламента шахскими войсками. Шах был раздражен отзывом своего покровителя Гартвига. В Петербурге велели Саблину ладить с англичанами, а в Тегеране на него сыпались письма от русских дипломатов, предупреждавших, что родина проклянет его, если он продаст англичанам Персию. Было от чего потерять голову, но Саблин мужественно взялся за работу².

К марту 1909 г. Саблин добился некоторого улучшения в отношениях между российской и британской миссией, установил контакты с персидскими националистами, чтобы не отдавать их на откуп англичанам. Отношения с шахом тоже были терпимые, хотя Саблин и твердил ему постоянно: "Помни о конституции". Он даже убедил английских журналистов освещать российскую политику в Персии в менее мрачном свете. "Но, – писал Саблин, – все парализует присутствие тут супруги Н.Г. Гартвига"³.

Гартвиг "боролся с многоведомственностью, а я еще и с дамским ведомством", жаловался Саблин. "Дамское ведомство", как он называл госпожу Гартвиг и ее дочь, саботировало все усилия Саблина, потому что мнение этих дам расходилось с министерской линией.

* * *

Переписка директора канцелярии министра А.А. Савинского и письма А.К. Бенкендорфа и его жены С.П. Бенкендорф показывают, чего ожидали некоторые из жен дипломатов от министерства иностранных дел и какие поправки вносила жизнь в эти ожидания. Переписка супругов Бенкендорф (посла в Англии и его жены) – как бы эквивалент дневников, их они не вели, а огромное число корреспондентов Савинского можно объяснить как его служебным положением, так и личными качествами, о них скажем ниже.

Большинство дипломатов принадлежали к узкому кругу столичного высшего общества. Они служили с теми же людьми, которых встречали по вечерам в домах общих знакомых, на раутах, в ресторанах и в трех столичных театрах, что принято было посещать светским людям. Многие были родственниками и свойственниками. Для них не было четкой границы между частной и служебной сферой. Жены дипломатов тоже были либо знакомы, либо в родстве с большинством коллег мужей. Это делало дружеские отношения само собой разумеющимися, а в крайних случаях могло привести к ситуациям, как та, что в 1906 г. сложилась между графиней Бенкендорф и ее другом детства товарищем министра князем Оболенским: супруга посла в Англии, возмущенная решениями МИД, несколько раз вызывала Оболенского к себе для объяснений и выговора⁴.

* * *

Как виделась женам дипломатов их жизнь? Многим – как жертва. Для петербургских дам, которые всегда имели возможность путешествовать в свое удовольствие, далекие страны не были заманчивыми. Они проводили большую часть жизни вдалеке от родных и друзей, иногда в тяжелом для северян климате. Даже супруга графа Бенкендорфа, вся карьера которого протекла между Римом, Веной, Копенгагеном и Лондоном, считала себя печальной изгнанницей из своего имения Сосновка Тамбовской гу-

² Е.В. Саблин – А.А. Савинскому 5.XII.1908. – Там же, ф. 340, оп. 706, д. 14, л. 172–77об.

³ Е.В. Саблин – А.А. Савинскому 14.III.1909. – Там же, л. 178–183об.

⁴ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 15(28).III.1906. – Бахметьевский архив, ф. Бенкендорфов, ч. 2 (далее – ФБ 2), ящик 21.

бернии. Что же сказать о тех женщинах, что из Петербурга попали в Бразилию или в провинциальную балканскую столицу? Такие посты, как в Монтевидео или Куала-Лумпур, были наказанием, если не становились ступенькой вверх в карьере мужа. Женщина, видевшая, что муж не способен продвинуться по служебной лестнице, могла решить, что пора взять карьеру мужа в собственные руки. Жертвы, на которые она шла ради мужниной службы, оправдывали ее участие в решении их судьбы.

При постоянных переводах – это признак успешной карьеры – дипломату нигде не удавалось пустить корни. Частые сборы были кошмаром для терпеливой М.К. Извольской⁵. Пусть не своими руками она упаковывала и распаковывала сундуки, но снова и снова жить на чемоданах было нелегко. А.П. Извольский брал деловую сторону переездов на себя, но и ему стоило многих хлопот из Токио обеспечить сносную жизнь своей семье в Копенгагене, как это видно из его письма коллеге, которого он собирался сменить: "Прежде всего, вопрос квартиры. Каковы условия аренды, количество и расположение комнат? Самое выгодное для меня было бы перевести на себя и продлить Ваш арендный договор, но прежде мне нужно получить ответ на прилагаемые вопросы и, если возможно, детальный план квартиры. Что до мебелировки, то полагаю, что Вы не все увезете и я бы охотно купил оптом некоторое количество мебели, особенно для спален, контор, комнат для прислуги и пр. Но, чтобы разобраться в этом вопросе, мне необходим список предметов, от которых Вы хотите избавиться... Я бы также был готов купить Ваши экипажи и упряжь, если Вы будете их продавать... Далее, вопрос о прислуге. Забираете ли Вы Вашего повара и если нет, можете ли Вы его рекомендовать?"⁶.

Когда сыновья дипломатов достигали школьного возраста, их чаще всего отправляли в Россию учиться. Эти расставания были источником беспокойства для родителей. Женщины разрывались между детьми и мужем, и не все могли себе позволить частые поездки домой. Они стремились оградить детей от участи вырасти людьми, не имеющими родины, от тягот бродячей жизни, но знали, что в их отсутствие дети рискуют подпасть под дурное влияние, как это случилось с сыновьями графа А.К. Бенкендорфа, когда их отправили учиться на родину. Несмотря на то, что у Бенкендорфов был целый клан родни в Петербурге, подростки Константин и Петр чувствовали себя на воле и их обеспокоенный дядя писал отцу: "С моего возвращения Иван Орлов предупредил меня... чтобы я был начеку. Я уверен, что он (Константин. – М.С.) ведет разгульную жизнь, но никак не могу поймать его на этом. Петербургская улица слишком опасна для него, потому что ему явно не хватает характера. Если бы вы жили тут, все было бы иначе... Что до Пьера, то его поведение тоже оставляет желать лучшего... Он безобразничает в классе... Короче, твой приезд просто необходим"⁷.

Жена дипломата при выборе знакомств должна была учитывать репутацию и положение мужа. Она не могла и отказаться от знакомства с теми из коллег мужа, которые ей не нравились. Как и мужья, они обязаны были проявлять сдержанность во мнениях, и на это очень жаловалась графиня Бенкендорф: "Мне нравится говорить то, что думаю, а как же я могу это делать, если меня не понимают и надо взвешивать каждое слово? Ну, хорошо, я постараюсь молчать"⁸. Но у нее это плохо получалось.

Круг их знакомств неизбежно сужался: покинув Россию на долгие годы, они постепенно теряли связь со старыми друзьями, а новые дружбы обрывались с новым переводом. За годы жизни за рубежом среди людей иных культур и мужчины, и женщины

⁵ "Мой муж очень рад своему назначению, но я более всего тревожусь и огорчаюсь при мысли о том, что оставляю Гришу... Муж уехал вчера на неделю в Париж и на день-два в Лондон, потом он вернется и мы едем в Петербург, где начнется кошмар ящиков и хаос укладывания". – М. Извольская – А.А. Савинскому 28.IX.1910. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706. д.16, л. 103–106об.

⁶ А.П. Извольский – А.К. Бенкендорфу 20.VIII.1902. – ФБ 2, ящик 13.

⁷ П.К. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 12.XI.1899. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 559, оп.1, д. 87, л. 48–51об.

⁸ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 2(15).I.1907. – ФБ 2, ящик 22.

меняли взгляд на Россию и на мир. Они становились людьми "третьей культуры", как это называли бы в наше время. Уже не в состоянии видеть порядки, обычаи и политику России теми же глазами, какими их видели большинство соотечественников, они тем не менее не могли офранцузиться или онемечиться полностью, хотя именно в этом их обвиняли на родине. "Двух станов не боец", такой человек слышал упреки с обеих сторон, с болью видя столкновения культур и политических интересов и не находя в себе полного сочувствия ни одной из сторон. Графиня Бенкендорф, страстно увлекавшаяся политикой, в Англии слыла патриоткой России, а в России делила с мужем репутацию злостной англоманки.

Жены дипломатов могли считать себя мученицами долга, но в их положении были и плюсы. Вдалеке от России и от всех старых привязанностей, при постоянных переездах муж и жена иногда становились друг для друга единственной константой и это сильно их сближало. Женщины привыкали делить интересы и заботы мужей, а мужья – ценить понимание и советы своих жен.

В столицах, где они служили, дипломаты часто образовывали свой кружок и проводили время самым приятным образом. Многие русские мемуаристы с удовольствием вспоминают о балах, пикниках и спортивных состязаниях, организованных разными посольствами. М.А. Кассини элегически писала: "В те дни в Пекине нас было 250 европейцев... Мы были как бы одной большой семьей, сосланной в далекий край. Мы не позволяли, чтобы свары – даже международного масштаба – и дипломатическая борьба за престиж нарушили наши отношения: нас было слишком мало. Мы постоянно были вместе"⁹.

Международный дипломатический корпус всегда насчитывал немало талантливых и интересных людей, знакомство с которыми много давало их младшим коллегам, а иногда и женам, как это было в случае дружбы графини Бенкендорф со знаменитым французским поэтом Полем Валери. Нередко, проводя годы среди мужчин, занятых столь интересным и почетным делом, женщины тоже увлекались политикой, как С.П. Бенкендорф.

Внимание, которое в российских дворянских семьях уделяли образованию дочерей, дало ощутимые результаты: к началу XX в. русские дворянки уже имели традицию участия в политической, общественной и культурной жизни. Софья Перовская – только одна из сотен дворянских женщин, которые наравне с мужчинами участвовали в подпольных революционных движениях. Анна Философова была одной из основательниц бестужевских высших женских курсов в Петербурге. Анна Евреинова редактировала литературно-политический журнал. Софья Ковалевская, обладательница двух докторских степеней, стала профессором математики в Стокгольмском университете. Ольга Федченко исследовала среднеазиатскую флору и опубликовала несколько десятков работ, за что получила звание члена-корреспондента Петербургской академии наук. Графиня Прасковья Уварова возглавляла Московское археологическое общество. Женщины были членами ЦК партии эсеров (Вера Фигнер) и кадетов (Ариадна Тыркова-Вильямс). Кульминацией восхождения дворянских женщин к высшим политическим постам стало включение графини Паниной во Временное правительство в 1917 г.

Российское дворянство было средой, из которой вышли почти все женщины, принимавшие участие в политических и социальных движениях XIX в., и из него же вышло и большинство жен российских дипломатов. Это говорит не столько об их политических воззрениях, сколько о том, что дипломат должен был быть готов к тому, что интересы его жены не ограничатся семейным кругом. Дамы, из чьих писем родился этот очерк, предпочитали дружить с мужчинами, чувствовали себя на равной ноге с ними и обсуждали министерские дела и политику без всякого стеснения.

⁹ Cassini M. Never a Dull Moment. New York, 1956, p. 36.

Когда их младший сын был вынужден выйти из полка, то графиня Бенкендорф написала мужу, что семейные связи помогут им устроить Пьера в канцелярию московского губернатора. Посол был возмущен: у сына не было ни профессии, ни знаний – какой же прок от него был бы на службе? Посол написал: "Быть на государственной службе значит служить государству, а не пользоваться услугами государства"¹⁰.

В отличие от Бенкендорфа, масса его коллег были не прочь пользоваться услугами государства и даже требовали их. Обычай и неписанные законы МИД подкрепляли это отношение к службе. Те, кто поступали в МИД, стремились попасть за границу, особенно в такие места, где и жизнь была интереснее, чем дома, и жалование гораздо выше. "Дамское ведомство" знало не хуже, чем их мужья, что продвижение и назначения главным образом были результатом протекции. Как писал П.С. Боткин, каждый раз, когда объявлялась вакансия, среди дипломатов происходило что-то вроде скачки с препятствиями: чья возьмет¹¹? Кого бы министр ни назначил на желанное место, он наносил обиду нескольким другим, потому что никто не принимал всерьез довод о пользе службы. В подобной системе поддержка человека, близкого к министру, значила больше, чем заслуги, и директор канцелярии МИД, конечно, был влиятельным лицом.

Десятки дипломатов писали ему, чтобы поплакаться на свой пост и более или менее откровенно попросить замолвить слово перед министром. Именно Савинскому барон Бенно фон Зиберт адресовал слезную мольбу из Вашингтона: его вражда с супругой посла, баронессой Розен, создала ему невыносимое положение в обществе. Он просил перевести его в Берлин или хотя бы в Лондон, и "благородный человек и прекрасный товарищ", как отзывался о Зиберте сослуживец¹², был переведен вторым секретарем посольства в Лондоне, где начал успешную 10-летнюю карьеру германского шпиона¹³.

Госпожи Петерсон и Томашевская тоже просили о переводах для мужей! Н. Петерсон писала из Гааги: «Когда я упоминала Лондон и Париж, я имела в виду именно эти два поста, потому что их всегда все просят и они достаются только особенным фаворитам. Так что было бы бессмысленно... надеяться на них. Перевод в Берлин или Вену, как будто, не сулит значительного улучшения. Среди постов на Востоке я бы сочла удачей получить Каир, потому что там хорошо платят... Что до "дипломатических" критериев Извольского, то я, разумеется, принимаю их, но считаю, что они полностью противоречат другому общему принципу (на каждое место – самый подходящий человек.) Уверяю Вас, что мой муж был бы куда полезнее на должности министра-резидента, чем при каком-нибудь крошечном немецком дворе»¹⁴.

Красноречивая Петерсон писала по-французски, цитировала по-английски и разбиралась в сравнительных достоинствах постов, на которые мог претендовать ее муж. И на следующий год она продолжала настаивать, уже из Копенгагена, телеграммой: "Умоляю вспомнить о нас для Гамбурга. Натали Петерсон"¹⁵. Л. Томашевская тоже боролась за своего мужа, но потерпела поражение: "Вы были так любезны, что сказа-

¹⁰ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф 3(15).I.1910. – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 153, л. 10–15об.

¹¹ Боткин П.С. Картинки дипломатической жизни. Париж, 1930, с. 28–30.

¹² П.С. Боткин – А.А.Савинскому 22.IX(05.X).1907. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 13, л. 187–189об.

¹³ *Abrikossov D.I. Revelations of a Russian Diplomat*. Seattle, 1964, 141. См. также: *Entente Diplomacy and the World Matrix of the History of Europe, 1909–1914*. Translated from the Original Texts in His Possession by B. de Siebert Late Secretary of the Imperial Russian Embassy at London. Edited, arranged and annotated by G.A. Schreiner. New York, 1921; его же трехтомное издание дипломатической переписки графа Бенкендорфа, состоящее из тысяч документов, переданных Зибертом германскому МИД в 1909–1917 гг.: *Graf Benckendorffs diplomatischer schriftwechsel*. Berlin, 1928. В 1920-х годах Зиберт сотрудничал с германским МИД в их задаче переложить вину за развязывание мировой войны на плечи Антанты, и его публикации тенденциозны как в подборе документов и цитат, так и в комментариях.

¹⁴ Н. Петерсон – А.А. Савинскому 10.XI.1909 (н.ст.). – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 15, л. 95–96об.

¹⁵ Н. Петерсон – А.А. Савинскому [s.a., 1910(?)]. – Там же, д. 16, л. 73.

ли моему мужу, что до поездки в Кауз¹⁶ вы представили министру список кандидатов и что Извольскому по разным причинам не понравились несколько из них, но что он не возражал против Жоржа. Он упомянул Штутгарт и Лиссабон, крошечные посты, где невозможно отличиться. И вдруг все расстроилось... Должна же быть какая-то справедливость и логика на свете и в министерстве!"¹⁷.

Министерство иностранных дел, при всех своих недостатках было одним из самых цивилизованных учреждений императорской России, где к служащим относились, хотя и предвзято, но вежливо, невзирая на их ранг. Там укоренился тон, подразумевавший, что от делопроизводителя до министра – все являются членами одного сословия и помимо службы, где царит иерархия, есть еще и сфера корпоративная, в которой все дворяне равны. Это чувствуется по непринужденному тону частной переписки дипломатов, и это же, вероятно, вдохновляло жен младших чиновников на требовательные письма Савинскому. Им было легче, чем мужьям, вести диалог с директором канцелярии министра или даже с министром. Писались ли подобные письма с ведома мужей, мы никогда не узнаем, но они написаны не под диктовку. Тон явно отличается от того, в котором писали Савинскому мужчины. Те не считали нужным напоминать Савинскому о своих заслугах и интересах службы и главным образом искали сочувствия, упирая на то, как плохо живет там, куда их отправили. Женщины звали к справедливости и к интересам службы.

* * *

А.А. Савинский был высокопоставленным чиновником МИД и светским честолобцем, одновременно искателем и источником щедрот фортуны. Количество женщин среди его корреспондентов говорит о культуре петербургского света и об атмосфере императорского министерства иностранных дел.

Савинский был популярен потому, что он был приближенным лицом министра и первым узнавал обо всех вакансиях и переменах. В то же время, хотя он и был принят обществом, но известный всем факт его гомосексуализма делал его уязвимым. Он понимал, что скорее женщины подружатся с ним, чем мужчины, и искал их поддержки, притворяясь влюбленным¹⁸. Для них он был участливым и внимательным другом и поверенным их тайн. Отсюда обилие женских писем и телеграмм, приходивших в канцелярию министра.

Карьере Савинского способствовал министр иностранных дел, граф В.Н. Ламздорф, для которого "Klein Ali" ("Крошка Али") стал последней любовью. Когда осенью 1905 г. стало известно, что отставка Ламздорфа вопрос времени, то многие из его сотрудников начали проситься на zahraniчные посты, потому что его преемник Извольский был враждебен Ламздорфу и его сотрудникам, ревнивый к чужому успеху, злопамятный и грубый. Весь столичный свет ожидал, что Савинский уйдет одним из первых. Сам Извольский, еще сидя в Копенгагене, готовился выместить из министерства "людей лунного света" и восстановить репутацию внешнеполитического ведомства¹⁹. Но Савинский оказался хорошим дипломатом. К тому времени, когда Ламздорф ушел из МИД, "Крошка Али" уже нашел других покровителей, вроде великой княгини Марии Павловны. Скорее всего Извольский вспомнил, что Савинский держал в руках всю политическую переписку Ламздорфа и его знакомство с министерскими текущими архивами могло быть очень полезно. Немаловажно было и то, что Савинский быстро подружился с женой Извольского.

¹⁶ Визит Николая II в Англию, куда его сопровождал А.П. Извольский.

¹⁷ Л. Томашевская – А.А. Савинскому 14(27).IX.1910. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 15, л. 92–93об.

¹⁸ *Louis G. Les carnets de Georges Louis, directeur des affaires politiques étrangères, ambassadeur en Russie*, t.2. Paris, 1926, 37.

¹⁹ Дневник А.П. Извольского 10(23).IV.1906. – ГАРФ, ф. 559, оп. 1, д. 86, л. 47.

Савинский умел становиться нужным избалованным дамам, которым хотелось отправить в Париж драгоценности дипломатической почтой²⁰, срочно получить загранпаспорт для горничной или найти кавалера для ужина в ресторане. Савинский пользовался большим успехом у дам разного возраста, национальности, положения и репутации: в числе его поклонниц были и великая княгиня Мария Павловна, и ее соперница графиня Бетси Шувалова, и англичанка маркиза Рипон, и актриса Михайловского театра Анриэтт Рожерс, и оперная дива Зембрих, и профессиональная ясновидящая мадемуазель Беттина.

Человек, обаяние которого преодолевало расстояние между Нью-Йорком и Петербургом, конечно, без труда покорила женщину, жившую этажом выше его канцелярии, в министерской квартире. В архиве Савинского нет писем от Извольской, датированных ранее 1910 г.: они стали переписываться уже после того, как ее муж покинул министерский пост и стал послом в Париже. Так что видимо Савинский почувствовал интерес к Извольской после того, как ее муж стал его начальником.

Извольская сама была дочерью дипломата. Ее брак был заключен по трезвому расчету. Честолюбивый дипломат А.П. Извольский решил жениться, чтобы беречь здоровье, потому что его брат умер от излишеств холостой жизни. Маргарите Толь, дочери графа Толя, некогда служившего российским посланником при датском дворе, грозила участь старой девы: единственным ее приданым были ровный характер и прекрасные манеры. Любимица вдовствующей императрицы была "очень женственная женщина", как одобрительно отозвался о ней знакомый²¹, и в отличие от мужа пользовалась симпатией в обществе. Кроме того, у нее были хорошие связи. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, урожденная датская принцесса, была привязана к Маргарите. В 1902 г. это помогло Извольскому получить пост посланника в Дании, а в 1905 г. способствовало его назначению в министры.

Извольский уважал и ценил, но не любил жену, и она утешалась религией, страстной преданностью сыну и "девичьими" дружбами, вроде той, которая завязалась у нее с Савинским. Когда Савинский прочно занял место в сердце Извольской, у них установился ритуал: каждый вечер она по телефону приглашала его подняться на чай. Они обсуждали события в министерстве и в петербургском обществе, Савинский выслушивал рассказы Извольской о ее сыне Грише, о здоровье ее старушки-матери. Взамен она помогла ему победить начальное предубеждение Извольского. Осенью 1910 г., когда стало известно о грядущем уходе Извольского, многие из его знакомых поспешили напоследок попросить министра о тех благах, которые еще были в его распоряжении. Савинский действовал через Извольскую, но опоздал. Она написала ему: "Мне не удалось добиться ничего из желаемого вами, потому что мой муж приехал... уже получив обещание от императора, что брюссельский пост достанется моему шурину". Чтобы утешить Савинского, она добавила, что ее муж все-таки напомнил императору о нем и что император "очень к вам расположен"²².

Ей было тоскливо в Париже, вдали от обожаемого сына, от родных и петербургских знакомых, от поддобоистрастного кружка, который образовался вокруг жены министра. Как и следовало ожидать, переписка с Савинским постепенно завяла, особенно когда он получил желанное назначение за границу. В одном из писем она мягко упрекнула его: "Кажется, вы слишком быстро забываете меня, господин Савинский"²³. По мере того, как его письма становились короче и холоднее, она настаивала:

²⁰ «Дорогой Александр Александрович, вот мой долг и "драгоценности короны", которые Вы любезно обещали отправить в Париж курьером в четверг». – С. Демидова – А.А. Савинскому 16.XI.1910. – АВПРИ, ф. 340, оп.706, д. 16, л. 97.

²¹ Великий князь Николай Михайлович – Фредерику Массону 18.IX(1.X).1910. – Au temps de l'alliance franco-russe. Correspondance entre le grand-duc Nicolas Mikhaïlovich de Russie et Frédéric Masson. Paris, 2005, 612–614.

²² М. Извольская – А.А. Савинскому 26.IX(8.X).1910. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 16, л. 103–106об.

²³ М. Извольская – А.А.Савинскому 19.XII.1910(1.I.1911). – Там же, л. 111–111а.об.

"Когда вы устроитесь, напишите мне подробно и расскажите все-все о вашей "миссии" и о ваших скандинавских знакомых"²⁴.

Выросшая среди придворных и карьеристов, Извольская не могла не понимать, что после отставки мужа, она потеряет не одного "друга". Эта кроткая женщина, которой муж, якобы в стремлении оградить ее от хлопот, не давал ступить шага без его ведома и разрешения, искала развлечения хотя бы и в дружбе с расчетливым Савинским. Как "женственная женщина" она привыкла опираться на мужчин, но находила естественным, что окружавшие ее честолюбцы, пользовались ею в своих интересах. Муж во многом сделал карьеру благодаря ей и значит был обязан помочь тем, за кого она просила. Но, видимо, она надеялась, что Савинский искренне к ней привязан. Она нуждалась в его сочувственном внимании. Письма Извольской, без каких-либо конкретных указаний на неприятности или огорчения, меланхоличны и даже жалобны. Иногда она даже пыталась робко кокетничать: "Скажите, что происходит у нас, внизу... не испытываете ли вы чуточку грусти теперь, когда сверху вам больше не звонят"²⁵.

Извольская прожила печальную жизнь в вечных переездах за деспотичным мужем, который был поглощен собственной карьерой и переживанием разочарований. Главными интересами ее были любимый сын, оставшийся в Петербурге, и старушка мать, жившая в Баварии. По ее письмам даже трудно догадаться, что у нее была и дочь, постоянно находившаяся рядом. В семье Извольских все надежды и любовь были сосредоточены на красивом, живом и остроумном Грише, а некрасивой Елене готовили участь сиделки при престарелых родителях, о чем ей довольно жестоко сказали еще в молодости. Она пишет без тени горечи, что в конце жизни ее отец, не веривший в ученых женщин, все-таки признал, что напрасно не дал дочери учиться. Это случилось, когда революция превратила Извольских в бездомных эмигрантов и выяснилось, что красивый Гриша вырос лентяем и эгоистом, а длиннолицая Леночка стала редактором воспоминаний и писем своего отца и семейным нотариусом. 30 с лишним лет Елена Извольская содержала мать и брата переводами, писанием романов, работой на фермах. Она же спасла их из оккупации, ухаживала до последнего дня и кончила свою подвижническую жизнь в США, профессором русского языка и литературы и активным членом экуменического движения католической церкви²⁶.

* * *

А.П. Гартвиг тоже избрала Савинского наперсником, и можно только надеяться, что Савинский не сплетничал, потому что мужа Извольской и Гартвиг были на ножах. Извольский был "западник", полагавшийся на собственную гениальность в сложной игре великих держав. Гартвиг – специалист по Азии – прослужил много лет на Ближнем Востоке. Их взгляды на интересы России и способы их обеспечить, были противоположны. При Ламздорфе Гартвиг был директором Первого департамента и правой рукой министра. В 1905 г. под влиянием событий, как и большинство российских дипломатов, он склонился к мысли о необходимости сближения с Великобританией²⁷. Не имея желания приспособливаться к настроениям Извольского, Гартвиг предпочел стать посланником в Тегеране. Ему предстояла трудная задача: продемонстрировать возможность сотрудничества с Англией в регионе их вековой вражды, Персии, и тем самым способствовать успеху англо-русской конвенции, заключенной в 1907 г.

Еще с поезда А.П. Гартвиг восторженной телеграммой просила Савинского поблагодарить сослуживцев мужа за теплые проводы, а Ламздорфа и Извольского – за

²⁴ М. Извольская – А.А. Савинскому 6.IV.1912 (н.ст.). – Там же, д. 21, л. 46–47об.

²⁵ М. Извольская – А.А. Савинскому 2(15).XII.1910. – Там же, д. 16, л. 107–110об.

²⁶ *Iswolsky H. No Time to Grieve. Autobiographical Journey. Philadelphia, 1985.*

²⁷ Spring-Rice to Sir E. Grey 1.03.1906, BD, IV, 226–7.

удобство, с которым Гартвиги путешествовали²⁸. По приезде в Тегеран ее энтузиазм постепенно угас. Пить пришлось тухлую воду, иногда – с червяками. Дышать местным воздухом ей оказалось вредно для сердца, а водиться с дамами из местной российской колонии ей было вовсе неприятно, потому что они, по ее мнению, позорили Россию²⁹. Ее муж намеревался сотрудничать с британской миссией и при этом не уступать англичанам ни на йоту в борьбе за влияние на персидское правительство. Поскольку британский посланник, старый знакомый Гартвига по Петербургу, был настроен точно так же, оба скоро вернулись к прежним отношениям – внешне дружелюбным, но в сущности непримиримым. Попытка Лондона смягчить конфликт, переменив посланника, потерпела неудачу – политические события в Тегеране развели российскую и британскую миссию по разным сторонам: англичане сочувствовали националистам, а Россия – шаху. Гартвиг поддержал шаха, подавившего оппозицию, но действия Гартвига никак нельзя было назвать невмешательством в дела Персии, которое предписывалось англо-русской конвенцией. Лондон заявил протест. Извольский вызвал посланника в Петербург для объяснений и, если возможно, для перевода на другое место. Гартвиг выехал, но оставил в Тегеране семью, чтобы не давать английской миссии повода праздновать победу.

А.П. Гартвиг, как умела, держала оборону и не падала духом. Ее телеграмма Савинскому выдержана в спартанском духе: "Поздравляю Новым годом. Прошу известий о муже, три недели без известий основание беспокоиться есть. Гартвиг"³⁰. Она только обижалась на неблагодарность Петербурга и Лондона по отношению к ее мужу: "Здесь мне другие иностранцы говорят, что *les anglais à Londres remuent ciel et terre à ce que mon mari ne revienne plus en Perse*"³¹. Дай им Бог успеха в их хлопотах"³². А в это время заместитель ее мужа Саблин жаловался тому же Савинскому, что политика сотрудничества с Англией наткнулась на противодействие А.П. Гартвиг. Все в Тегеране понимали, что Гартвиг уехал бороться с Извольским. То, что его жена и дочь остались в Тегеране, внушало шаху оптимизм. Саблин описал это как "утопающий шах хватается за Александру Павловну". Кроме того, Саблин жаловался, что вопреки наставлениям мужа Гартвиг подружилась с австро-венгерской и германской миссией и уверяла их, что в Европе политическое положение крайне осложнилось и что Извольский мечтает стать послом. Как только он уйдет из министров, обещала Александра Павловна, российский внешнеполитический курс изменится. Саблин был уверен, что таким же образом она подбадривала и свою приятельницу – жену шаха. Саблин закончил письмо сдержанными словами, за которыми слышится зубовой скрежет: "Александра Павловна – милейшая дама. Но политикой заниматься ей не следует"³³.

Извольский победил Гартвига с поддержкой британского короля и французского правительства. Его жена, узнав из газет, что Гартвиг назначен посланником в другую горячую точку – Белград, жаловалась: "Меня никто не спрашивает, но Вам я скажу, что для меня назначение это гадость, для мужа не знаю. То есть вижу только дурные стороны, а не хорошие". Она уверяла, что привыкла равнодушно относиться к течению своей жизни, и потому даже это неприятное назначение ее мало тронуло³⁴. Но это была совершенная неправда: ее письма год за годом пестрят жалобами.

В Белграде Гартвиг занял ту же позицию, которая снижала ему популярность у шаха и вражду Англии. Он поддерживал антиавстрийскую политику сербского правительства. С точки зрения интересов России это помогало вытеснить Австро-Венгрию

²⁸ А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому [s.a.]. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 32, л. 224–225.

²⁹ А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому 2.I.1909. – Там же, д. 15, л. 130–131об.

³⁰ А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому 3.I.1909. – Там же, л. 193.

³¹ Англичане в Лондоне пустили в ход все средства, чтобы не дать моему мужу вернуться в Тегеран (пер. с франц.).

³² А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому 2.I.1909. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 15, л. 130–131об.

³³ Е.В. Саблин – А.А. Савинскому 14.III.1909. – Там же, д. 14, л. 178–183об.

³⁴ А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому 18.VI.1909. – Там же, д. 15, л. 134–135об.

с Балканского полуострова. С точки зрения держав это подстрекало балканских славян на агрессивный курс по отношению к Австро-Венгрии и Османской империи и увеличивало опасность взрыва на Балканах. Гартвиг пользовался таким влиянием, что во время Лондонской мирной конференции 1913 г. британское министерство иностранных дел даже пыталось настоять на том, чтобы посланника перевели или хотя бы временно отозвали из Белграда, чтобы сделать Сербию более уступчивой³⁵.

А.П. Гартвиг столкнулась с иными проблемами. Жена предыдущего посланника, то ли по политическим причинам, то ли по слабохарактерности, распустила сербских королевичей, позволив им делать все, что вздумается у нее в гостях. Подростки били рюмки, ломали вилки и рылись у нее в столах. В гостях у посланника сербские королевичи встречали членов австрийской миссии и случались неприятные сцены. А.П. Гартвиг высказывала свое возмущение и тем, и другим, и в результате все на нее рассердилось. Она взывала к сочувствию Савинского, обвиняя во всем мужа: "При этом никогда ни слова и совета или указания со стороны моего начальства. Такое уж у нас обыкновение"³⁶.

А.П. Гартвиг, как и в Тегеране, затрудняла положение своего мужа. Вероятно, посланник не рисковал учить жену, как обращаться с гостями, и ее выражение "мое начальство" надо понимать как шутку. Ее упоминания о все ухудшающемся здоровье "начальства" звучат отстраненно: "Как он ни храбрится, здоровье его сильно пошатнулось. Конечно, можно прожить и 10–15 лет, но можно и умереть от каждого припадка". По письмам можно судить, что она искала отдыха и покоя вдали от мужа. Она уезжала из Белграда одна, чтобы отдохнуть, а Гартвиг ездил на воды с дочкой³⁷. Она ездила то в Россию, то в гости к знакомой семье русского консула в Варне. За гостеприимство приходилось расплачиваться. В 1910 г. она прямо написала Савинскому из Варны, что на нее нажимают хозяева, чтобы она рекомендовала их родственника в канцелярию: "Я его не знаю совсем, но вроде говорят приличный и хорошо воспитанный. Если не годится, то вы знаете, как ответить"³⁸. Зимой 1911/12 г. в МИД России произошла большая перестановка кадров. Знакомых А.П. Гартвиг перевели в Константинополь. Гартвиг тоже надеялся попасть туда, но не удалось. Его жена доверительно сообщила: "Для меня лично большое горе, что мы не попали в Константинополь... Муж отнесся вполне философски, даже до удивления. Теперь не знаю, куда меня пошлют летом. Варны больше не будет"³⁹.

Гартвиг умер именно так, как предвидела его жена. Во время сараевского кризиса в июле 1914 г. венская пресса распространила нелепый слух, что он был вдохновителем убийства австрийского наследника. Гартвиг, очень взволнованный, поехал в австро-венгерскую миссию, чтобы опровергнуть слухи и уговорить посланника на совместные действия для улаживания конфликта. Посланник, барон Гизль, заверил, что его правительство не верит в причастность Гартвига к покушению. Гартвиг пожаловался ему на сердце, сказал, что собирается на воды лечиться. Несколько минут спустя он скончался⁴⁰. Его скоропостижная смерть породила новые фантастические вымыслы о том, что его отравил австрийский посланник.

* * *

Один из подчиненных Гартвига в Белграде, В. Ионин, постоянно нуждался в материнском присмотре, Марины Иониной, и следы ее деятельности можно найти в раз-

³⁵ А.К. Бенкендорф – С.Д. Сазонову 27.III(9.IV).1913. – Там же, ф. 138, оп. 467, д. 707/756, л. 349.

³⁶ А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому 28.IX(11.X).1909. – Там же, ф. 340, оп. 706, д. 15, л. 126–127об.

³⁷ А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому 28.VII(10.VIII).1910. – Там же, д. 16, л. 79–80об.

³⁸ Там же.

³⁹ А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому 17(30).III.1912. – Там же, д. 21, л. 37об.

⁴⁰ *Schebeko N. Souvenirs. Essay historique sur les origines de la guerre de 1914.* Paris, 1936, 207–208.

ных фондах чиновников МИД, включая фонды Савинского и Бенкендорфа. М. Ионина была вдовой А.С. Ионина, дипломата, приобретшего известность на Балканах в бурные 1870-е годы. Брак Ионина с сербиянкой был то ли причиной, то ли следствием его увлечения освобождением славян. Их сын Владимир, или Бобби, как звала его мать, в 1910 г. служил в Белграде. Вероятно считалось, что его сербская кровь сослужит службу российской внешней политике на Балканах. Но, как его мать объяснила Савинскому, Белград больше подходил честолюбивым дипломатам, которые хотели выдвинуться, а ее сын не имел амбиций и предпочитал "спокойные посты, на которых он может заниматься спортом". Например, Брюссель⁴¹. Савинский отозвался на просьбу вдовы и пристроил Бобби в Гаагу, где он мог заниматься теннисом в свое удовольствие⁴². Бобби покинул Балканы, напутствуемый словами А.П. Гартвиг, вероятно отражавшими мнение ее мужа: "Ионин оказался большая дрянь"⁴³.

Мать последовала за Бобби в Гаагу и осталась там, когда он отправился к месту своего следующего назначения, в Вашингтон. В 1915 г. Ионина писала письма другому бывшему сослуживцу покойного мужа. Теперь она заклинала графа Бенкендорфа, посла в Лондоне, выручить Бобби из нового затруднения. Незадолго до войны Бобби познакомился в Ньюпорте с американкой из самого лучшего общества и полюбил ее. Она ответила ему взаимностью. Но дама не была разведена со своим мужем-англичанином, а только разъехалась с ним. Теперь, когда началась война, дама отправилась в Англию, чтобы открыть госпиталь для раненых. Бобби последовал за ней, презрев служебные обязанности. Теперь он болтался в Лондоне. Однако такому патриоту, как Бобби, тяжело было оставаться бездеятельным, когда родина напрягала силы в борьбе с врагом. Ионина просила графа пристроить Бобби в лондонском посольстве⁴⁴.

В следующем письме Ионина, боясь, что посол поверит слуху, что ее Бобби женился на "актрисе или хуже того", под страшным секретом открыла имя дамы: герцогиня Консуэло Мальборо, урожденная Вандербильт⁴⁵. Бобби пугал мать, что он уедет в Россию и пойдет добровольцем на фронт. Она опять написала послу, умоляя пристроить сына к российскому военному агенту. "Его безумный поступок – серьезный промах, но его молодость должна его извинить, – писала она. – Одно Ваше слово может спасти человеческую жизнь, а у меня никого в мире нет, кроме него"⁴⁶. Оба сына и зять посла воевали, так что вряд ли затруднения Бобби Ионина особенно тронули Бенкендорфа, но он ответил в своей обычной мягкой манере: он считал нежелательным, чтобы Бобби вернулся на службу именно в Лондоне. Бенкендорф объяснил, что не матушка, а сам Бобби должен бы хлопотать о восстановлении на службе. Бенкендорф даже предложил, что в таком случае будет ходатайствовать в Петрограде, чтобы Бобби не слишком строго наказали. Но его пребыванию в Лондоне необходимо положить конец, потому что там все знают, что он бросил пост ради того, чтобы поехать за своей дамой. "Странно будет выглядеть наше дипломатическое представительство, если мы станем... удовлетворять подобные нужды"⁴⁷. После новых настояний Иониной посол написал, что по слухам герцог Мальборо намерен развестись и тогда Бобби станет соответчиком в бракоразводном процессе. Считает ли она, положая руку на сердце, что российскому посольству в Лондоне будет много славы от сотрудника, которого публично обвиняют в прелюбодеянии?⁴⁸ Что произошло с Бобби дальше, неизвестно, но он не женился на Консуэло Вандербильт и даже не упомянут в ее мемуарах.

⁴¹ М. Ионина – А.А. Савинскому 27.II.1910. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 16, л. 90–91об.

⁴² М. Ионина – А.А. Савинскому 18.III.1910. – Там же, л. 88–89об.

⁴³ А.П. Гартвиг – А.А. Савинскому 28.VI(10.VII).1910. – Там же, л. 79–89об.

⁴⁴ М. Ионина – А.К. Бенкендорфу 9.III.1915. – ФБ 2, ящик 15.

⁴⁵ М. Ионина – А.К. Бенкендорфу 22.III.1916. – Там же.

⁴⁶ М. Ионина – А.К. Бенкендорфу 06.II.1916(?). – Там же.

⁴⁷ А.К. Бенкендорф – М. Иониной 22.III.1916. – Там же, черновик.

⁴⁸ А.К. Бенкендорф – М. Иониной 22.III.1915. – Там же, ящик 12, черновик.

Граф А.К. Бенкендорф, российский посол в Лондоне в 1902–1917 гг., женился на графине Шуваловой, представительнице влиятельного петербургского клана, который давно играл важную роль в политической жизни России. Бенкендорф, чье происхождение было сравнительно скромным, оказался под влиянием и покровительством родственников жены. В 1881 г. он вступил в Священную дружину, основанную его шурином П. Шуваловым, принес присягу этому тайному обществу, о чем рассказал жене. И в продолжение всей их супружеской жизни у графа не было секретов от жены. Он очень серьезно относился ко всему, что слышал от Софьи Петровны, уважая ее трезвый ум. Уже вскоре после свадьбы он написал: "Дорогая моя, ты терпишь за то, что ты жена-совершенство, которая способна разделить с мужем все, даже его заботы, потому что ты их понимаешь и даешь добрый совет. Для тебя это беда, а для меня великое счастье"⁴⁹.

"Обожаемый монстр", как Бенкендорф шутя называл жену в молодости, делил его увлечение политикой и историей, и эти темы занимают большую часть их переписки.

Вскоре после начала царствования Николая II Бенкендорфы пришли к мнению, что новый император бесхарактерен и лишен индивидуальности. Они сожалели об этом, особенно когда сравнивали Николая II с энергичным и хитрым английским королем Эдуардом VII, кумиром графа Бенкендорфа⁵⁰. То, как откровенно писали о бездарности российского самодержца люди, которые представляли его за границей, не может не навести на мысль о раннем и глубоком разочаровании в самодержавии среди тех, кто ему служил. Бесхарактерность монарха дала его матери большое влияние в первое десятилетие правления, и это обстоятельство, отмеченное многими, стало подспорьем в карьере графа. Он пользовался благосклонностью императрицы Марии Федоровны еще с тех времен, когда служил в МИД и помогал организовывать ее поездки за границу. В 1897 г. он был назначен посланником к датскому двору – пост, который был в распоряжении Марии Федоровны. С тех пор переписка, главным образом по внешнеполитическим вопросам, между графом Бенкендорфом и вдовствующей императрицей не прерывалась до его кончины. С.П. Бенкендорф не участвовала в переписке, хотя Мария Федоровна не забывала передавать ей приветы. Подруги императрицы всегда были "женственного типа", увлекавшиеся нарядами, сплетнями и флиртом, а графиня Бенкендорф не имела ничего общего с ним.

Безграмотные, но живые французские письма графини посвящены в основном политическим новостям и дополнены газетными вырезками.

В поисках сведений графиня допрашивала британских политиков во время балов, посещала заседания британского парламента, читала Синие книги британского правительства⁵¹ и публикации российской эмигрантской прессы. Бенкендорфы читали одни и те же газеты и журналы – "Новое время", "Речь", "Слово", английские "Таймс", "Вестминстер ревю", французские "Матэн" и "Тан" – и рекомендовали друг другу статьи. Иногда они имели разные точки зрения, как во время боснийского кризиса, когда графиня выбрала мужа: "Это Австрия сжульничала... Я не понимаю Вашего взгляда. В Берлине Вы смотрели на все это легко и считали эти нечестные турецкие увертки вполне естественными"⁵².

Сестры и дочь С.П. Бенкендорф разделяли ее интересы, и, когда открылась I Дума, дамы Шуваловы, Бенкендорф, Бобринские посещали заседания и страстно спорили о

⁴⁹ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф [s.a.]. – ГАРФ, ф.1126, оп.1, д. 154, л. 3–4об.

⁵⁰ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф 23.IX(6.X).1909. – Там же, д. 152, л. 179–180об.

⁵¹ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 20.II.1908. – ФБ 2, ящик 22.

⁵² С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 3(16).X.1908. – Там же.

политических партиях⁵³. С.П. Бенкендорф пережила сильное увлечение кадетами и октябристами, читала все их публикации и писала мужу, что не может уехать из России в такое время, когда страна выходит из спячки: "Как ни интересовала меня Англия, когда мы не видели перемен, когда от мыслей о нашей стране становилось тяжело на душе... теперь наши события вызывают у меня страстный интерес, а Англия, при всей моей симпатии, мало меня интересует"⁵⁴.

Между 1902 и 1910 г. С.П. Бенкендорф перенесла несколько операций. Вдобавок, она была астматичкой и курила, что не улучшало ее здоровья. Шуваловские жемчуга, о которых с патриотической гордостью вспоминал один из младших сотрудников посольства⁵⁵, нечасто представляли восхищенным взглядам на приемах и балах. Отсутствие графини Бенкендорф объясняли нездоровьем, но по ее письмам возникает подозрение, что она пользовалась этим предлогом, чтобы увильнуть от уикендов в королевском загородном замке Балморал или от приглашений в поместье герцога Девонширского Чатсворт. В письмах из Лондона в Сосновку муж уговаривал супругу: "Чатсвортское приглашение ставит меня в очень неловкое положение. Я отвечу, что могу приехать около 10 ноября. Я не могу отказаться, хотя ехать не хочется. В Вашем случае, еще хуже: Вы уже отказались от Аскота и Виндзора. Нас пригласили в Чатсворт в прошлом апреле. Подумайте об этом. Мне кажется, что Вы могли бы постараться и приехать сюда пятнадцатого"⁵⁶.

Но выманить графиню из Сосновки раньше договоренного срока было невозможно. Она так обожала фамильное имение Бенкендорфов в Моршанском уезде Тамбовской губернии, что мужу приходилось умерять ее пыл к усовершенствованию усадьбы напоминаниями, что сколько бы денег она ни вложила, все равно Версалем Сосновка не станет⁵⁷. Посол жаловался на свое лондонское одиночество, но не настаивал, чтобы она сократила пребывание в деревне. Между ними было давно установлено, что графиня и так жертвует ради его карьеры, соглашаясь на жизнь вдали от России и от родных в течение полугода. Они оба принимали как должное, что служба России и престолу стоит им личных жертв: юность и молодость их сыновей прошла вдали от родителей и родительского влияния. Оба младших Бенкендорфа женились вопреки родительскому запрету, в чем родители винили свое отсутствие. Их дочь Наталья жила с ними до своего довольно позднего замужества и получила хорошее домашнее образование. Графиня сама выбрала для дочери гувернантку с дипломом бестужевских курсов по математике⁵⁸. В Англии Наталья Бенкендорф посещала оксфордский женский колледж Сент-Хью. Ее родители поощряли в ней интерес к общественным и политическим вопросам. В архиве Савинского лежит записка графа Бенкендорфа с просьбой сделать пропуск на думское заседание для графини Натальи Бенкендорф⁵⁹. Отец хвалил дочь за "энергию, характер и независимость", проявляемые ею, например, когда в 18 лет на свои деньги построила общежитие для деревенских девушек в Сосновке⁶⁰. Мать беспокоилась, что с ее характером и английским воспитанием Наталья не будет иметь успеха у русских женихов, но желала ей такого мужа, который даст

⁵³ «Поло (сестра С.П. Бенкендорф. – М.С.) говорит, что ей отвратительны лица этих кадетов, мелких честолюбцев, переполненных ненавистью. Я говорю ей: "Да, как многие из наших друзей, они мелкие честолюбцы". Вполне естественно, они переполнены ненавистью. Но они могут предоставить гарантию, которой нет у наших друзей. В течение двадцати или тридцати лет они были верны одной идее, которую они не предали и которой каждый пожертвовал частью своей жизни». – С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 22.II.1907. – Там же.

⁵⁴ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 27.III(9.IV).1906. – Там же, ящик 21.

⁵⁵ *Abrikossov D.I.* Op. cit., p. 114.

⁵⁶ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф 7(20).IX.1912. – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 153, л. 104-105об.

⁵⁷ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф 24.IX.1912. – Там же, л. 119-122об.

⁵⁸ К.А. Губастов – С.П. Бенкендорф 26.XI.1902. – Там же, д. 176, л. 1-2об.

⁵⁹ А.К. Бенкендорф – А.А. Савинскому, понедельник [s.a.]. – АВПРИ, ф. 340, оп. 706, д. 13, л. 218.

⁶⁰ Н.А. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 9(22).XII.1904. – ФБ 2, ящик 18.

возможность развивать самостоятельность и независимость суждений⁶¹. Н.А. Бенкендорф вышла замуж за англичанина, и это тоже было расплатой Бенкендорфов за долгое пребывание за границей. По письмам их дочери видно, как, выйдя из школьного возраста, она забывала нетвердо выученную русскую грамоту. Сначала в письмах появлялось все больше ошибок, а потом она просто перешла на французский. Брак дочери вызвал у Бенкендорфов смешанные чувства. После отставки графа они собирались поселиться в Сосновке, а замужество Натальи означало, что они отдали дочь Англии⁶².

Граф обожал короля Эдуарда VII, чье обаяние и политический такт он постоянно превозносил в письмах. Графиня была менее восторженна. Ее свободомыслия хватало, чтобы спокойно принять общество королевской любовницы миссис Кэппел, но не мистера Кэппела, потворствовавшего связи короля с его женой⁶³. С.П. Бенкендорф тяготилась визитами к российскому двору с его мелочными интересами и ветхозаветными устоями⁶⁴. Ее тянуло к людям другого склада: Герберт Уэллс, Уинстон Черчилль и его жена Клементина, Морис Бэринг, Илэр Беллок, Этель Смит. Нет нужды представлять первых двух, но и остальные оставили след в английской истории. Бэринг был известным писателем и поэтом: проведя много времени в России у Бенкендорфов и их родни, он выучил русский язык и первым перевел на английский стихи А.С. Пушкина и пьесы Н.В. Гоголя. Беллок – талантливый поэт и несколько менее талантливый историк и романист. Смит – известная женщина-композитор. Как и Бэринг, она провела много летних месяцев в Сосновке.

Как водилось при великокняжеских дворах и в домах российской знати, графиня раз и навсегда пригласила чиновников посольства и своих английских друзей являться к семейным обедам Бенкендорфов, когда они пожелают. Достаточно было предупредить с утра ее дворецкого и место за столом было обеспечено. Д.И. Абрикосов вспоминал с благодарностью о том, каких интересных собеседников он встречал за столом у графини⁶⁵. Ее связи в лондонском литературном мире, пожалуй, принесли России больше пользы, чем великосветские дружбы ее мужа, потому что по роду деятельности друзья графини имели большее влияние на общественное мнение.

С.П. Бенкендорф считала себя таким же представителем России, как и муж. Она не отделяла себя от графа, когда заявила родным, что "при таких обстоятельствах я нахожу наше положение в Лондоне невыносимо позорным" и что ей "нестерпимо унижительно представлять страну, которая терпит допотопный режим"⁶⁶. После революции 1905 г. она сказала мужу, что в ее глазах он представляет Россию, а не императора⁶⁷, которого они презирали. Это, конечно, делает честь прогрессивным взглядам графини, но подобные высказывания обожаемой жены только усиливали опасную склонность посла считать себя выше министерских инструкций.

Когда была к тому возможность, С.П. Бенкендорф посылала мужу полезные сведения. Секретные новости она сообщала шифром: так в 1904 г., накануне войны с Японией, графиня передала мужу, что японский посол заявил императору, что Япония хочет мира с Россией, но иностранный (английский) совет делает войну неизбежной⁶⁸. Ей случалось и отстаивать интересы "нашего посольства" в министерстве. В 1906 г., пригласив товарища министра иностранных дел Оболенского к себе домой в Петербурге, Софья Петровна пригрозила ему, что, если министерство переведет двух лю-

⁶¹ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 13(26).I.1904. – Там же, ящик 21.

⁶² А.К. Бенкендорф – императрице Марии Феодоровне 10(23).XI.1910. – ГАРФ, ф. 642, оп. 1, д. 918, л. 19–22об.

⁶³ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 10.VIII.1907. – ФБ 2, ящик 22.

⁶⁴ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорфу 5(18).III.1912. – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 153, л. 48–49об.

⁶⁵ *Abrikosov D.I.* Op. cit., p. 110.

⁶⁶ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 13(26).I.1905. – ФБ 2, ящик 22.

⁶⁷ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 18.XII.1905(1.I.1906). – Там же.

⁶⁸ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 29.I(12.II).1904. – Там же, ящик 21.

бимцев графа из Лондона, ее муж может подумать и об отставке. Ведь граф занимает почти независимое положение, чреватое огромной ответственностью, и министерство не имеет права затруднять его миссию, забирая тех подчиненных, с которыми посол сработался⁶⁹. Ламздорфа и его заместителей она – видимо, как и муж, – презирала и считала, что им уступать нельзя: "Они трусы, едва отвернешься, как они пользуются этим"⁷⁰.

Когда граф болел – а это случалось все чаще с годами – графиня брала его дела в свои руки. Во время лондонской мирной конференции 1913 г. она запретила подчиненным навещать больного посла и к беспокойству первого секретаря отказалась передавать ему письма и донесения, поступавшие в посольство⁷¹. Когда граф выздоравливал от воспаления легких зимой 1908/09 г., жена отправила его в теплый Египет и в разгар Боснийского кризиса бодро писала, что дело близко к благополучному разрешению и поверенный в делах прекрасно справляется с посольством. Для нее было ударом услышать, что российское правительство уступило в боснийском вопросе фактическому ультиматуму Берлина в марте 1909 г., но она продолжала настаивать в письмах к мужу, что его спешное возвращение в Лондон ничего бы не изменило⁷², а здоровью повредило бы.

С годами письма графа становились все длиннее и запутаннее – когда он старался выразить свои чувства по поводу семейных или международных событий, и все чаще в них появлялись жалобы на то, как одиноко ему в доме на Чешэм Плейс и как хотелось бы быть с женой в Сосновке. В 1909 г. он написал, что все болезненнее переносит разлуку с ней⁷³. Чета Бенкендорфов с годами становилась все дружнее. Бенкендорфы так хорошо знали друг друга, что, уезжая из Сосновки в Петербург, где ему предстояло решить трудный семейный вопрос, граф спросил у жены, как ему поступить, а она уверенно ответила: "Делай, как подскажет сердце"⁷⁴.

Во время войны, как и все жены дипломатов, графиня возглавила фонд помощи военнопленным и российским подданным, которые оказались беженцами в Англии. Это были главным образом студенты бельгийских и немецких университетов. При двух последних императорах в российских университетах была квота на прием студентов иудейского и католического вероисповедания и многие уезжали учиться за границу. Поэтому большинство клиентов Специального фонда графини Бенкендорф были евреи и поляки: им пришлось срочно бежать из Германии и Бельгии, но их родные места, западные губернии, стали местом военных действий, и они не могли вернуться домой. Безо всяких бюрократических проволочек фонд графини Бенкендорф субсидировал еврейские благотворительные организации в Лондоне, которые взяли на себя помощь российским евреям-беженцам⁷⁵.

Графиня продолжала работать и после того, как ее младший и любимый сын Петр был убит в июне 1915 г. Ее друг Бэринг, в это время воевавший во Франции, попросил знакомого найти и послать Бенкендорфам цитату из Фукидида, которой хотел их утешить. Это был отрывок из знаменитого обращения Перикла к гражданам Афин: "Родителям павших я не предлагаю сочувствия. Напротив, я говорю, чтобы поднять их дух. Мы знаем, что жизнь это череда счастливых и несчастливых перемен, и тех надо почитать наисчастливейшими, кому уготована славнейшая участь: либо пасть смертью храбрых, как им, либо оплакивать храбрецов, как вам".

К этому стоическому утешению автор письма добавил: "Благодарю Вас, мадам, за то, что Вы позволили мне увидеть самый очаровательный дом в Англии, в котором

⁶⁹ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 29.III(11.IV).1906. – Там же, ящик 22.

⁷⁰ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 4(17).IV.1906. – Там же, ящик 21.

⁷¹ Н.С. Эттер – С.Д. Сазонову 13(26).III.1913. – АВПРИ, ф. 340, оп. 812, д. 1416, л. 9–13об.

⁷² С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 3(16).II.1909; 9(22).III.1909; 19.II(4.III).1909. – ФБ 2, ящик 22.

⁷³ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф 2(15).IX.1909. – ГАРФ, ф. 1126, оп. 1, д. 152, л. 40–43об.

⁷⁴ А.К. Бенкендорф – С.П. Бенкендорф [s.a., 1909(?)]. – Там же, д. 156, л. 66–67об.

⁷⁵ Закрытие специального фонда графини Бенкендорф. 1914–1917. – АВПРИ, ф. 184, оп. 520, д. 1493.

живет самая очаровательная женщина России и Англии"⁷⁶. Видимо, даже в горе С.П. Бенкендорф осталась такой же гостеприимной, как всегда. Она была гордой женщиной и ее сдержанность иногда принимали за жестокосердие. Во время русско-японской войны, когда один из ее сыновей был в японском плену, а другой решил идти на фронт добровольцем, она написала мужу: "Не думай, что я такая уж спартанская мать, как кажется. Я в ужасе... но понимаю, что есть вещи, которых просто нельзя не сделать"⁷⁷.

Война нанесла ей еще два удара: ее муж скончался от испанского гриппа в декабре 1916 г., а через два месяца рухнула Российская империя. Пусть С.П. Бенкендорф и не имела иллюзий относительно личности императора, но развал государства был для нее трагедией. Ее сын Константин остался в Советской России. Слухи о его расстреле появились в английских газетах и по настоянию графини вызвали официальный запрос английского правительства. Вдова ее сына Петра бедствовала в Москве. В 1919 г., когда императрица Мария Феодоровна добралась в Англию из Крыма, она была поражена тем, как постарела графиня Бенкендорф⁷⁸.

Она стала изгнанницей, как и те члены ее семьи, которым удалось спастись из России. Константин Бенкендорф после многих превратностей сумел выехать в Англию с женой и дочерью. Брат покойного посла, граф Павел Бенкендорф, обер-гофмаршал двора, бежал из России с женой в 1919 г., но его пасынок Долгорукий сопровождал императора в Сибирь и был убит вместе с ним. В 1920 г. Павел Бенкендорф умер, оставив рукопись "Последние дни в Царском Селе". Графиня опубликовала записки во Франции и в Англии. Предисловие по ее просьбе написал С.Д. Сазонов, некогда подчиненный ее мужа. Во Франции она обратилась за помощью в издании к старому знакомому, Валери, а в Англии хлопоты взял на себя Бэринг.

До своей смерти в 1928 г. графиня продолжала живо интересоваться новостями, литературой и присматривала за делами своей сестры Лоло, которая с внучкой поселилась в Италии. Именно к графине Бенкендорф, как к самой трезвой и энергичной в семье, обратилась за советом и помощью компаньонка Лоло, когда ей показалось, что внучка Лоло, Софья Долгорукая, будущая знаменитая "красная княжна", отбилась от рук. С.П. Бенкендорф на всю жизнь осталась опорой и защитой для своих родных и друзей.

* * *

Как характеры, так и отношения с мужчинами, и судьбы у женщин "дамского ве- домства" были разные. Марина Ионина шла на унижения, чтобы спасти некоего, но любимого сына от последствий его лени и беспечности. Она знала ему цену и смирилась с тем, что не он ей, а она ему будет служить опорой до конца дней.

Честолюбивые Натали Петерсон и Луиза Томашевская, видимо, больше полагались на себя, чем на способность своих мужей пробиться по службе. В наше время участие женщин в жизни за пределами семьи считается признаком прогресса, но в данном случае наоборот, вмешательство этих энергичных дам в кадровые дела министерства отражает архаический характер системы, в которой посторонние влияния часто преобладали над интересами службы. Женщины вмешивались не оттого, что были компетентны, а напротив, оттого, что все знали, что компетентность и профессиональные качества не имеют значения, а карьера строится на личных отношениях и на способности каждого чиновника – или его жены – пользоваться слабостью системы.

Александра Павловна Гартвиг и Маргарита Карловна Извольская следовали за своими честолюбивыми мужьями. Вероятно, дружба с Савинским для обеих восполня-

⁷⁶ Фробишер – С.П. Бенкендорф 16.VI.1915. – ФБ 2, ящик 12.

⁷⁷ С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 29.I(12.II).1904. – Там же, ящик 21.

⁷⁸ Дневник императрицы Марии Феодоровны. 8(21).V.1919. Москва, 2005, с. 340.

ла недостаток тепла и внимания в их семейной жизни. Но вращаясь в кругу коллег мужей, они стали воспринимать министерство так же, как и их мужья. С.П. Бенкендорф была ближайшим другом и защитницей своего мужа. Эта счастливая пара разделяла нравственные и политические воззрения и даже литературные вкусы. Он нес ей на суд свои профессиональные решения и полагался на ее совет. Она чувствовала себя полноправной личностью среди английских и русских государственных мужей, чьи разговоры интересовали ее больше, чем женская болтовня.

Графиня Бенкендорф явно видела себя частью человечества, а не особью женского рода. Как и ее муж, и вся ее семья, давно стоявшая близко к правительству, она смотрела на все с точки зрения государства, а не отдельных групп. Она не сочувствовала английским суфражисткам⁷⁹, считая, что в разумной британской политической системе право голоса для женщин вопрос времени, а в России попытки выделить "женские вопросы" из насущных национальных и государственных нужд казались ей мелочным и преждевременным. Это привело бы к бессмысленному дроблению общественных сил, которые могли бы заставить правительство встать на путь последовательных реформ. А уж запретить самоуверенной и волевой С.П. Бенкендорф участвовать в этих общественных силах никто не мог.

В поздней императорской России и либеральные, и радикальные политические партии включали в программы право голоса для женщин и многие женщины уже участвовали в политической и общественной жизни.

Их всех объединяет то, как уверенно они чувствовали себя в мужском мире. Близость этих женщин к профессиональному миру их мужей и то, что мужчины воспринимали это как должное, говорит, что по правовому статусу не всегда можно судить о влиянии и весе женщин в обществе. Чаяния общества и поведение его членов кажутся более точными мерилami.

⁷⁹ "Представь, что сестра лорда Литтона, очаровательная женщина, с которой я знакома, стала суфражисткой и попала в тюрьму... это так по-детски, по сравнению с бомбами в России". – С.П. Бенкендорф – А.К. Бенкендорфу 28.III.1908. – ФБ 2, ящик 22.